

УДК 94(47)

МОРДОВСКИЕ БЕЛЯКИ И ТАТАРСКИЕ КНЯЗЬЯ

© 2017 г.

М.М. Акчурин,¹ А.В. Беляков²¹Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань²Институт российской истории Российской академии наук, Москва

bigeevo@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

В источниках XVI–XVII веков в отношении разных групп мордовского населения (как мокшанского, так и эрзянского) было характерным употребление термина *беляк*. Однако особенности его использования не позволяли сделать точное определение этого термина. Еще в XIX веке исследователи высказывались о том, что беляк являлся владением татарских князей и мурз. Однако анализ записей бортовых столбцов Темниковской и Кадомской приказных изб привел А.А. Герасимову к заключению, что беляки в первую очередь имели прямое отношение к бортовничеству и не могли быть административно-территориальными единицами, возглавляемыми татарскими феодалами. Тем не менее накопленные на сегодняшний день сведения позволяют нам вернуться к обсуждению термина *беляк* и, в частности, к вопросу наличия связей беляков с татарскими князьями.

Ключевые слова: беляки, княжения, мордва, татарские князья, мурзы, сотники, ясак, суд, Темников, Кадом, Шацк.

В этой работе мы предлагаем рассмотреть определенные аспекты термина *беляк*, чтобы попытаться понять, насколько можно его связать с татарскими князьями, зафиксированными в XVI веке в мордовских землях Московского государства. Сохранившиеся великокняжеские грамоты показывают, что татарским князьям жаловались «княжения» над определенными группами мордовского населения (для некоторых групп сохранились названия: «коняльская мордва», «тылдемская мордва», «чепчерянская мордва» и т.д.). Наша основная задача заключается в том, чтобы, привлекая новые источники [1–3], выяснить, можно ли отождествлять эти наследные «княжения» с *беляками*, зачастую одноименными с названиями подведомственных им мордовских групп.

В историографии сформировались две основные точки зрения, объясняющие значение термина *беляк*.

Согласно первой, более ранней версии, озвученной ещё в XIX веке А.Ф. Белокрысенко [4], И.Н. Смирновым [5], С.К. Кузнецовым [6], а вслед за ними ее основательно описавшим П.Н. Черменским [6], **беляк с золотоордынских времен до XVI века являлся владением татарского или мордовского князя**. П.Н. Черменский называет его земельным княжеским владением [6], но оговаривается, что в XVII веке начальный смысл данного термина поменялся, он уже использовался исключительно в вопросах организации выплат с бортового промысла. М.Г. Сафаргалиев в статье «К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях)», согла-

шаясь с мнением П.Н. Черменского о начальном значении термина *беляк*, идет дальше и проводит аналогии мордовских беляков с крымско-татарскими бейликами [7]. Отмечая, что владельцы крымских бейликов вели себя как полновластные государи: раздавали земли в лены своим людям, производили суд, собирали подати и т.д., – М.Г. Сафаргалиев подчеркнул, что за владельцами беляков осталось право, данное «в старину», – сбора ясака и право суда над подвластным населением за «душегубство и разбой». Отметим, что в состав беляков в качестве подвластного князьям населения кроме мордовского М.Г. Сафаргалиев в одинаковой мере помещает и татарское население. Д.М. Исхаков, поддерживая сходство беляков с крымскими бейликами, назвал их княжествами, считая право князя Еникея «судить и ведать» татар в Темникове «по старине» как одну из характеристик беляка [8].

По другой версии, высказанной А.А. Герасимовым в статье «Мордовский беляк» [9], **беляк – это только «податное объединение, базирующееся на общности владения угодьями или их использования», он не являлся административной территорией и у беляков не было татарских владельцев**. А.А. Герасимов с сожалением отмечал, что авторы первой версии не предоставили документальных доказательств в подтверждение своих положений, а ограничились лишь простыми высказываниями. В своей работе А.А. Герасимов опубликовал новые сведения из обнаруженных им бортовых столбцов XVII века с упоминанием деревень и

соответствующих им беляков. Следует признать, что свое определение термина *беляк* ввиду недостатка сведений он не назвал окончательным, но аргументировал его следующими соображениями.

– Ряд деревень из бортных столбцов одновременно входили в состав разных беляков. С другой стороны, в одном беляке могли оказаться деревни из разных уездов, удаленные от основного массива беляка (например, к Кафтежанскому беляку относились деревни Темниковского, Кадомского и Шацкого уездов). Поэтому беляки якобы **не могли считаться территориально-административными единицами.**

– В названиях большинства беляков **отсутствовали имена татарских князей-владельцев.** И даже если владельцы указывались, то только как единичные случаи и для отдельных деревень. Приведенные им примеры сообщений XVII века позволили сделать такое наблюдение: владения татарских князей «далеко не охватывали беляки в целом», а имеющиеся сведения обозначили лишь как «исключительное явление».

– В приведенных им бортных столбцах в составе беляков наряду с мордовскими **обнаруживаются деревни с татарским населением.** Но поскольку, по мнению А.А. Герасимова, все татары Темниковского уезда находились в служилом, а не в тяглом сословии, то жители этих деревень, видимо, не должны были платить ясак неким владельцам беляков, а значит, и не могли находиться в их ведении. Это стало ещё одним аргументом в тезисе, что у беляков не могло быть татарских владельцев.

В итоге П.Н. Черменский, как сторонник первой версии, во многом вынужден был признать выводы своего оппонента А.А. Герасимова, но только в отношении московского времени [6]. По его мнению, с середины XVI – до середины XVII века *беляк* уже перестал быть владением князя. Наследные владения татарской знати стали называться *княжением*, а *беляк* в этот период получил новое значение **«административного объединения плательщиков налога по месту объектов обложения, их бортных ухажаев».** При этом П.Н. Черменский добавил, что компактность населения беляков была разрушена. Он привел описание случая, когда бортники деревни Малые Пурдышки Темниковского уезда числились в разных беляках: один бортник состоял в Мурзогильдеевском беляке, а другой – в Темниковском. Тем не менее П.Н. Черменский пишет, что территориальность не была нарушена, но произошло значительное расширение некоторых беляков. В то же время он упрекает А.А. Герасимова в пре-

небрежении им жалованных великокняжеских грамот XVI века татарским князьям и, как следствие, отрицании Герасимовым изначальной «территориальности» беляков. В качестве примера П.Н. Черменский привел грамоту, выданную в 1554 г. мурзам Исяшу и Емашу Тенишевым детям, с пожалованием права получать ясак с ерехтинской мордвы Кучукова беляка. Правда, нам кажется, что этот пример не очень удачный, ибо данная грамота, в отличие от других, жалует мурзам только ясак, но не «княжение»¹, а значит, не наделяет мурз властными полномочиями. Тем более именно эту грамоту А.А. Герасимов в своей работе все же указал. Не согласился П.Н. Черменский и с тем, что беляки якобы носили топографические названия, напоминая, что свои названия они зачастую получали от названия групп мордовского населения: «тялдемская мордва», «ерехтинская мордва». Поэтому, отсутствие в названиях беляков имен татарских владельцев, на что указывал А.А. Герасимов, П.Н. Черменский объяснял тем, что для татарского князя первостепенное значение имела не территория, а население, точнее, ясак с него [6].

Непростую дискуссию о мордовском беляке продолжил В.П. Ямушкин в статье «О ясаке и мордовском беляке» [10]. Он подробно описал особенности выплаты мордовским населением ясака, в т.ч. и татарским владельцам. Во второй части статьи он сделал обобщение главных существующих версий по поводу термина *беляк* и в итоге заключил, что беляк неразрывно связан с понятием *ясака*. Следовательно, первоначально *беляк* – это **«пожалованный район сбора ясака в пользу определенного татарского феодала».** По мнению В.П. Ямушкина наиболее удачное и краткое определение беляка было сделано Шереметьевским: **«беляк – это ясачный округ».**

Касательно этимологии слова *беляк* большинство исследователей высказали предположение, что оно произошло от тюркского слова *балак* [6, 9], *булак* [7, 10], означающего подарок или пожалование. С таким толкованием согласился и М.Г. Сафаргалиев, хотя сравнивал беляки с крымскими бейликами. И только Д.М. Исхаков предположил, что слово *беляк* образовано по такому же принципу, как и крымские бейлики, и означало княжество [8, с. 195].

Подводя итоги вышесказанному, мы можем согласиться с заключениями предыдущих исследователей, что для XVII века при использовании термина *беляк* речь идет о вопросах сбора налогов с бортного промысла. А вот для более раннего периода, пока еще действовали местные институты управления татарских князей,

каких-то убедительных сведений о беляках было приведено немного. Проблема с отождествлением «княжений» и беляков заключается еще в трудностях соотношения размеров беляков и подведомственных князьям групп мордовского населения. Продemonстрируем эту проблему на таком примере: если мы знаем, что кадомский князь Енгальч Бедишев обладал властными полномочиями в отношении тядемской мордвы будущего Кадомского уезда [11], то можем ли мы утверждать, что он управлял всем населением, входящим в состав Тядемского беляка? Ведь по сведениям тех же бортовых столбцов, обнаруженных А.А. Герасимовым, в состав Тядемского беляка в XVII веке входила деревня Ардашево [9], относящаяся уже к другому – Темниковскому уезду. С учетом всех озвученных особенностей употребления термина *беляк*, перейдем к более подробному рассмотрению основного вопроса: могли ли соотноситься беляки и «княжения».

Начнем наши рассуждения с того, что существует целый ряд сообщений, указывающих на изначально административно-территориальный характер беляков, не учтенные, однако, А.А. Герасимовым и В.П. Ямушкиным [9, 10]. Перечислим их.

1. Опубликованные писцовые книги мордовских сел Кадомского уезда 1629/30 г. показывают, что все **мордовские населенные пункты, а также бортовые ухажан, принадлежавшие их жителям, были скомпонованы строго по белякам**. В книгах отмечены следующие беляки: беляк Малая Чепчера (д. Мелсетево), Еректинский беляк (д. Станарово, Родская, Каляево, Нороватово, Коломасово, Виртьяново), Чепчерянский беляк (д. Баево, Дудниково, Вичкидеево, Кураево, Большие Пинизлеи, Малые Пинизлеи, Новоселки, Широмазово, Шокша, Анамасово, Тянгусево), Тядемский беляк (д. Пашатово, Шапкино, Подлясово, Селище, Парамзино, Анаево, Жеравкино, Каргашино, ½ с. Авдалово) [1]. Хотя есть некоторые оговорки о выплате оброков и ясаков: так, в книгах сказано, что мордва деревень Каргашино и Жеравкино Тядемского беляка верховой оброк, ясачные и куничные деньги платила в Шацк. Жители деревни Станарово Еректинского беляка Мака Тотин «с товарищи, шесть человек», такие выплаты делали в Темников. Отметим ещё, что в книгах в деревнях Шапкино, Подлясово, Селище, Парамзино, Анаево Тядемского беляка указаны в качестве сливщиков темниковская мордва деревни Ардашево. Во второй половине XVII века для обозначения территориального деления вместо беляков в Кадомском уезде уже использовался другой термин –

«стан»: так, в документе 1675 г. о сборе «стрелецкого хлеба» мордовские деревни, когда-то числившиеся в Тядемском беляке, уже входили в Вадовский стан (Пошатово, Анаево, Парамзино, Селище, Подлясово) [12].

2. Как минимум в двух **царских грамотах, жалующих «княжения», группы мордовского населения указаны в составе беляков**: в грамоте Исенею Бутакову 1555 г. жалуются «княжение» над мордвой Кирдяновского беляка [7], в грамоте Булаю Кудашеву 1608 г. жалуются бывшее княжение Акчуры Караева – мордва Кершинского беляка [13]. Причем в ясачных книгах Кершинский беляк, мордва которого платила ясак князю Булаю, показан также с названием Акчуркараев беляк [14], которое образовано от имени прошлого владельца князя Акчуры Караева [13; 14].

3. В ряде сохранившихся за период с 1603 по 1605 г. пошлинных и судебных книг Темниковской приказной избы многие **мордовские сотники записывались с названиями их беляков**: «сотник Канялского беляка», «сотник Кучюкова беляка», «сотник Кофтюженского беляка» [3, л. 41 об., 42 об., 47 об., 51 об.], «сотник Тядемского беляка», «сотник Темниковского беляка» [2, л. 33–33 об., 114–114 об.]. Отметим важную деталь: в челобитных сотники жителей своего беляка называли волощанами: «сотники мордовские емлют своих волощан по своим белякам во государеву службу подмог и в дымовщину, что платят волощаня по своим беляком» [2, л. 36–36 об.], что свидетельствует о **восприятии мордовского беляка челобитчиками как волости** – традиционной административной единицы Московского государства. Пошлинные и судебные книги Темниковской приказной избы показывают главной функцией сотников осуществление сбора различных платежей в казну с мордвы в рамках своих беляков. Так, сотник Авкеман Кечатов в декабре 1604 г. написал в челобитной: «занял, государь, я сирота твоя, государева, на тех своих волощан на твой, государев оброк и ясак, и сторожевые недоборные деньги, и в службу, и во всякия твои, государевы, подати недоборные деньги» [2, л. 112–112 об.].

Обратим внимание на вопрос, поднятый предыдущими исследователями о принадлежности деревень разных уездов к одним белякам. Так, Тядемский и Еректинский беляки, отмеченные в писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда 1629/30 г., встречаются в соседнем Темниковском уезде. Присутствие этих беляков в обоих уездах было показано А.А. Герасимовым в бортовых списках XVII века [9].

Мордва Тядемского беляка со своими сотниками указывается также в записях за декабрь

1604 г. в пошлинных и судебных книгах Темниковской приказной избы. В частности, в книгах мордва этого беляка встречается в деревнях Ардашево, Атюрьево, Можарская, Икзермая, деревня «на Овманех» [2].

Ерехтинский (Ирехтинский) беляк в Темниковском уезде упоминается еще в документах XVI века. Так, купчая, выданная Семену Мелетьеву сыну в 1569/70 г., начинается со слов: «сез Ушман Заполатов сын мордвин Иретилского беляка князя Урозгивеева ясачик и з Тотушевы» [15]. Нам представляется, что список купчей был выполнен неточно, скорее всего, в оригинале звучало: «мордвин Ирехтинского беляка, князя Уразгилдеева ясачник». Ссылка на эту купчую упоминается в выписях из писцовых книг XVII века на вотчины Пурдышевского монастыря, где указано: «по выданной купчей Ерехтинского беляка Ушмунзка Полатова, какову дал Сенке Мелетьеву сыну Урманчию, Уразгилдеев Чукчин² из Тотушевы» [11, с. 132]. Отметим, что в купчей 1593/94 г. Петуй Авкеманов, другой житель этой же деревни Тотушево (Малые Пурдышки), продавший свою вотчину в Пурдышевский монастырь, назван как «мурза Гилдеевского беляка мордвин деревни Тотушевы с Малых Пурдышек» [15; 11, с. 110], а в выписях XVII века Созон Кузьмин, продавший соседнюю вотчину Пурдышевскому монастырю в 1592/93 г., назван темниковским бортником Мурзагилдеева беляка [11, с. 132]. Может быть «Мурзагилдеев беляк», это неточно записанное переписчиками название «Уразгилдеев беляк»? Если это действительно так, то мы имеем второе название Ерехтинского беляка в Темниковском уезде, или его какой-то части, которое связано с именем князя Уразгилдея (Мурзагилдея) – получателя ясака. Но нам встретилось ещё одно название этого беляка – в Темниковских дозорных книгах письма и дозору Аверкея Полицына 1585/86 г. указано, что в деревне Меньшее Пурдышково жила «мордва Темниковскаго беляка», и среди ее жителей показан двор того самого Созонки Кузьмина [11, с. 114]. Таким образом, мы встречаем 3 названия одного и того же беляка: Ирехтинский, Уразгилдеевский, Темниковский. Этот вывод, кстати, опровергает вышеупомянутый пример П.Н. Черменского, где Темниковский и Мурзагилдеевский беляки показаны разными беляками.

Оба беляка – Темниковский (как мы показали, это другое название Ерехтинского беляка) и Тядемский упоминаются также в пошлинных и судебных книгах Темниковской приказной избы 1603–1605 гг. Примечательно, что там присутствуют сотники обоих беляков: «темни-

ковс[кой] мордовской сотник Темниковского белека Чернека Кеченин» [2, л. 114–114 об.] и сотник Тядемского беляка Момон Чубаев [2, л. 33–33 об.], он показан жителем темниковской деревни: «деревни Чюбаевы мордве Момонке Чюбаеву...» [3, л. 59 об.]. Таким образом, наличие собственных сотников в Темниковском уезде позволяет нам сделать предположение, что данные беляки, упоминавшиеся как в Кадомском, так и в Темниковском уездах, **являлись не частями неких крупных беляков, а отдельными беляками, но с одинаковыми названиями.** Что интересно, Тядемский беляк, кроме Кадомского и Темниковского уездов, упоминается и в Шацком уезде, о чем свидетельствуют Книги ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 г. воеводы Матвея Стрешнева [16, л. 33]. Этот факт объясняет, почему наряду с кадомским князем, о котором сказано в 1564/65 г.: «...мордва тядемская, князь над ними Янглич Бедишев» [17, с. 245–246], в 1575 г. ценский князь Бигильдей князь Каракчеев сын Долотказин также назван князем над тядемской мордвой [18, с. 247–248]. Видимо, упомянутая тядемская мордва находилась в составе двух разных беляков: в Тядемском беляке Кадомского уезда князем был Янглич Бедишев, а в одноименном Тядемском беляке Шацкого уезда князем был Бигильдей Долотказин. Более того, в Книгах ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 г. упоминается Каракчеевский беляк [16, л. 161] – очень похоже, что это одно из старых названий Тядемского беляка, образованное от имени его бывшего князя Каракчея, отца Бигильдея Долотказина.

Итак, на данных примерах мы видим, с одной стороны, что беляки могли представлять собой некие объединения мордовских жителей со своими сотниками. Пошлинные и судебные книги Темниковской приказной избы 1604–1605 гг. демонстрируют [2, л. 33–33 об., 112–112 об.], что **сотники обеспечивали сборы ясаков и других повинностей с волощан своих беляков в государственную казну.** В этом отражается описанный еще А.А. Герасимовым и В.П. Ямушкиным аспект беляка как «ясачного округа». В дополнение к этому жалованные грамоты показывают, что **часть собранного сотниками ясака передавалась татарским князьям.** Так, в грамоте Кулаю Акчуруну 1540 г. сказано: «а имати им те свои пошлины з году на год на срок на збор у сотника и у мордвы перед нашими прикащиками» [19].

А вот с другой стороны, ряд ранних сообщений XVI века фиксируют **подчиненное положение мордовских сотников перед татарски-**

ми князьями – им предписывалось вместе со своим мордовским населением «читать и слушать» своего князя. Так, после пожалования «княжения» 15 апреля 1559 г. Дивею Бутакову, в отписной грамоте казанского дворецкого М.И. Волконского в «кирдяновскую мордву в Арзын сотникам Шонге Тарханову, Молсапе Ономасову, Кузовату Олепину и всей кирдяновской мордв» сказано: «читите его и слушайте его во всем и ясак ему дайте» [20, л. 94–94 об.]. Те же слова мы обнаружим в грамоте Акчуре Адашеву: «и вы сотник, да все земские люди черные тое мордвы коняльские, читите его и слушайте во всем, а он ведаёт и судит» [21, с. 149]. Сотник, указанный с принадлежностью к князю, также упоминается в дипломатическом донесении, полученном в апреле 1516 г. из Крыма. Там сказано, что крымские татары пытались выкупить одного мордвина в Кафе, «чтобы их вел на Цну», а отец его был сотником у «мордовско-го» князя Темира Якшенина [22, с. 292].

Продемонстрированные связи между сотником и его беляком и между сотником и татарским князем позволяют нам сделать следующее заключение – пожалование татарских князей «княжением» означало наделение их властью, которая распространялась на сотников и мордву в пределах беляка. Властные полномочия князей заключались, как мы помним, в первую очередь в обладании административными и судебными функциями: «ведать и судить». В этом **обнаруживается другой аспект мордовского беляка как административно-судебного округа**. Это позволяет высказать предположение, что **понятия беляк и княжение первоначально соответствовали друг другу**.

Скорее всего, поселения, входившие в беляк, изначально группировались территориально. Но при этом оговоримся, что беляк не мог являться земельной или вотчинной собственностью, по крайней мере у нас нет никаких сведений о возможности князей распоряжаться мордовскими вотчинами и пашнями или каким-то образом их распределять. Поэтому беляки не похожи на государственные образования. Объектом власти князей являлось только население, которое обязано было выплачивать князьям ясак. В рамках территориально-административной системы Московского государства татарские князья по своим полномочиям были схожи с волостелями, но в отличие от волостелей их утверждение носило пожизненный и наследственный характер. Соответственно, выплата ясака князьям являлась аналогом выплаты «корма» волостелям. Примеры, приводимые ниже, наглядно передают схожесть содержания грамот русским волостелям и татарским князьям.

Грамота волостелю:

«Се яз, князь великий Василей Иванович всеа Руси, пожаловал есми Назарья Ивановича Арсеньева Засеньем с правдою под Лизуном под Тургеневым в кормленье. И вы, все люди тое волости, *читите его и слушайте*. А он вас ведаёт и судит и ходит у вас по старине, как было преж сего» [23].

Грамота татарскому князю:

«И аз, царь и великий князь Дмитрий Иванович всеа Руссии, пожаловал Ишмамет-мурзу княж Девлеткильдеева отца ево княж Девлеткильдеевым княженьем и мордовским присудом и ясаком по тому же, как было то княжение дано отцу его княж Девлеткильдею. И ясак ему с тое чепчерския мордвы имать по тому ж, как отец ево имал. И вы б, все людие тое мордвы, княж Ишмаметя княж Девлеткильдеева *читили и слушали*, а он вас ведаёт во всем и ходит и судит вас во всем по старине» [24].

Таким образом, в итоге можно сделать такой вывод: **беляки являлись административными единицами, аналогичными по статусу волостям, но находящимися под управлением татарских князей**.

Уже в периоды царствований Федора Ивановича (1584–1598) и Бориса Годунова (1598–1605) мы не встречаем пожалования княжений, что говорит о прекращении действия традиционных институтов местного управления. А при царе Михаиле Федоровиче (1613–1645) судебные функции перешли к новым назначаемым из Москвы должностным лицам – мордовским головам, которые мордву «судили, росправу всякую чинили и от обид оберегали» [25]. Судебными округами [26], скорее всего, стали присуды, а беляки на протяжении XVII века оставались лишь ясачными округами – так, про деревню Кирдяшево сказано: «Того ж Ирехтинского беляка присуду Красной слободы» [9]. Именно поэтому А.А. Герасимов, изучая документы уже более позднего периода, не смог увидеть связь беляков с татарскими князьями, а имеющиеся сведения обозначил лишь как «исключительное явление» [9].

Вне нашего внимания остался ещё один вопрос, обозначенный А.А. Герасимовым: наличие татар деревень Чотово и Инзеры в составе Ерехтинского беляка. Поскольку, по мнению А.А. Герасимова, все татары Темниковского уезда находились в служилом сословии, то жители этих деревень, видимо, не могли находиться в ведении князей и платить им ясак [9]. Однако, согласно текстам самих бортовых столбцов, перечисленные в них татары названы «оброчными» [27]. Выясним, относились ли упомянутые оброчные татары к категории служи-

лых. Оброчные татары обнаруживаются в пошлинных и судебных книгах 1604–1605 гг. Темниковской приказной избы и упоминаются среди жителей все тех же деревень Чотова и Инзеры, а также Лемдей [2, л. 18–18 об., 46–46 об., 76–76 об., 118–118 об.; 3, л. 4, 27 об., 29, 30 об.]. Судя по всему, эта категория татар была немногочисленной и они не являлись служилыми, поскольку перечислялись раздельно: «...темниковския оброчныя татарове деревни Лендей (Лемдей. – Прим. авт.) Исентючелка Исенев со своим сыном, с Козеем, да татарин служивой Байкейка Уркаев» [2, л. 18–18 об.]. Скорее всего, отмеченные в бортных столбцах оброчные татары находились в ясачном сословии, как и остальная мордва Ерехтинского беляка, причем вместе с ними они платили те же оброки, ясаки и пошлины. Сравним, у оброчных татар записано:

«Ирехтинского беляка за оброчным татаринном деревни Инзеры за Олышайко Сююшевым... оброку платить ему пуд меду и 30 гривенок, да новоприбылого четь пуда меду, да с того меду пошлин 10 денег, да ясашных старого 6 алтын 4 деньга, да новоприбылого 10 денег, да за куницу старого 13 алтын 2 деньга, да за новоприбылую за полчети куницы 10 денег, да пошлин пол 2 деньга» [27, л. 4–5].

У мордвы:

«Того ж Ирехтинского беляка за мордовою деревни Челмодеевой за Мелчаем Силчидеевым с товарищи... оброку платить им старого 8 пуд, да новоприбылого полпуда меду, да с того меду пошлин 7 алтын с полуденьгою, да ясашных платить им вновь 20 алтын, да за 2 куницы старого 26 алтын, да за новоприбылую за треть куницы 4 алтына три деньга, да пошлин с куницы полденьга» [27, л. 21].

На это обстоятельство А.А. Гераклитов не обратил внимание. Поэтому мы не можем исключать возможности **нахождения оброчных татар в ведении татарских князей** вместе с другими группами мордовского населения в составе беляков, не отличаясь в своем социальном положении. Для собственно служилых татар, включая князей и мурз, существовали несколько иные институты управления [28].

Исходя из нашего заключения о тождестве понятий *беляк* и *княжение*, мы можем вернуться к этимологии слова *беляк*. Дело в том, что понятию «княжение» близки используемые в татарских источниках слова *билек* или *биклек* [29, б. 100]. Сравним, как перечисленные выше термины близко по смыслу применялись в татарских и русских источниках. В 1557 г. Исмаил-бей объяснял, что не отдал свою власть в Ногайской орде Юнусу мурзе: «...сказали про меня, что будтось яз *княженье* здал Юнус мир-

зе, а сам будто иду к Меке» [30, с. 252]. В сохранившихся списках сочинения «Джами ат-Таварих» Кадырали-бека так описывается получение титула бека (бея) ногайским мурзой Исмаилом: «Муса бинең углы Исмагыйль *би* булды. Соң *билек* тә бу заманга дигәч Исмагыйльнең ыругындин таймады» [31, б. 28] (в другом списке этого сочинения используются вместо слов «би» и «билек» аналогичные термины «бәк» и «биклек» [32, б. 139]). На русский язык этот отрывок можно перевести следующим образом: «Потом сын князя Мусы князь Исмаил был, с того времени до наших дней это *княжение* (билек, биклек) от рода Исмаила не переходило (к другим родам. – Прим. авт.)» (перевод авт.). Ещё пример использования термина *билек* из Дәфтәре Чынгыз-намэ: «Әй Тимер Котлу би, кара кешедән байлыгың берлә, күб мал бирмәк берлә билек таптың» [33, б. 80] – «Әй Тимер Котлу бей, с богатством, полученным от «черных»³ людей, со множеством скота, ты нашел *княжескую власть*» (перевод авт.). В этом же значении встречается слово *билек* в текстах башкирских шеджере: «Бурнак *би* вафат булгач, *билек*[не] Тәтәгәчкә тапшырдылар» – «Когда Бурнак-бий умер, бийство поручили Татигачу» [34, с. 29, 33]. В Крымском ханстве владение клановых князей называлось «бейлик» [35, с. 109, 118–129], как указывал Д.М. Исхаков, это слово близко к слову *беляк*. Таким образом, отмечаем, что термины *беляк*, *бияк*, *белек*, бывшие употреблении в мордовских землях, созвучны с татарским словом *билек* и вполне отражают его значение.

В завершение отметим – вполне возможно, что в ранние периоды, ещё до появления уездного деления, мордовское население одноименных беляков составляло некие общие, более крупные объединения, другими словами «княжения», которые затем разделились. В таком случае мы можем предполагать, что и вся тядемская мордва ранее входила в одно крупное «княжение», которое могло разделиться на 3 беляка (одноименные Тядемские беляки были в Кадомском, Шацком и Темниковском уездах), а во главе отделившихся беляков встали свои татарские княжеские династии, некогда представлявшие собой единый княжеский род.

Авторы выражают искреннюю признательность Полине Напольниковой, Муллаануру Ишееву, Тахиру Абдурахманову, оказавшим большую помощь в подготовке данной статьи.

Примечания

1. В жалованных грамотах управление татарским князем подвластным населением, в первую очередь

обладание полномочиями административной и судебной власти, обозначалось термином «княженье» или «княжение». Современное слово «княжество» употреблялось крайне редко.

2. Видимо, выражение «Уразгильдеев Чукчин» правильно должно звучать «Уразгильдеев ясачнику», как в исходном тексте купчей.

3. Черные люди – население, платившее ясак.

Список литературы

1. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138 (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 154–210.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1167. Оп. 1. Ед. хр. 1443.
3. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Ед. хр. 1.
4. Белокрысенко А.Ф. Исторический очерк постепенного покорения Симбирского края и административного устройства его в разное время // Сборник исторических и статистических материалов. Симбирск, 1868. С. 105–119.
5. Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Гл. I. (Продолжение) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Том X. Вып. 3. Казань, 1892. С. 300–322.
6. Черменский П.Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 3–11.
7. Сафаргалиев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Мордовского НИИЯЛИ. Вып. 24. Саранск, 1963. С. 64–79.
8. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань: Мастер-Лайн, 1998.
9. Гераклитов А.А. Мордовский «беляк» // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 2. Саратов, 1927. С. 102–112.
10. Ямушкин В.П. О ясаке и мордовском беляке // Труды МНИИЯЛИЭ. № 24. Саранск, 1963. С. 100–115.
11. Известия Тамбовской учёной архивной комиссии (далее – ИТУАК). Вып. XXVIII. Тамбов, 1890.
12. РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Ед. хр. 2210.
13. Думин С.В., Первушкин В.В., Шишлов С.Л. Князя Кудашевы // Дворянские роды Российской империи. Т. 3. М.: Ликомиinvest, 1996. С. 165–171.
14. Напольникова П.К. Владельцы Пощенья эпохи средневековья // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 20. Вып. 10 (150). 2015. С. 79–85.
15. Тексты делового содержания XVI – начала XVII в. из мокшанских мест. Публикация И.С. Филипповой // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 76–98.
16. РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1.
17. ИТУАК. Вып. XLVII. Тамбов, 1904.
18. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002.
19. Акчурин М., Ишеев М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. VII. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 11–18.
20. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 14.
21. Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем, 1999.
22. Сборник Российского исторического общества. 1895. СПб., 1895.
23. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив, № 3. 1960 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1500-1520/Central_upr/text.php
24. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатический. Вып. 7. М.: Древлехранилище. 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1520-1540/Akty_sluzil_tatar/text.htm.
25. Персидская Н.Ю. Мордовский голова в системе органов местного управления XVII в. // Вестник Мордовского университета. № 3. 2014. С. 88–92.
26. Снетова Г.П. Русская историческая терминология: Учебное пособие. Калинин: Калининский государственный университет, 1984. С. 60–61.
27. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ед. хр. 32.
28. Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 4–18.
29. Сборник летописей. Татарский текст (Составлен в царствование Б. Годунова) с русским предисловием // Библиотека восточных историков. Изд. И.Н. Березина. Т. II. Ч. 1. Казань, 1854.
30. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006.
31. Жамигыт-тэварих // Миранстан биш сэхифэ. XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкарьләре. Казан, 2011.
32. Жалаерлы К. Жэмигь эт-тэварих. Казан: «Иман» нэшрияты, 2010.
33. Дәфтәре Чыңгызнамә // Миранстан биш сэхифэ. XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкарьләре. Казан, 2011.
34. Кузеев Р.Г. Башкирские шеджере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960.
35. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т. 23. Симферополь, 1895.

MORDOVIAN BELYAKS AND TATAR PRINCES

M.M. Akchurin, A.V. Belyakov

The 16th- and 17th-century sources in relation to different groups of Mordovian population (both Moksha and Erzya) often used the term *belyak*. However, it was not possible to make a precise definition of the term due to the peculiarities of its use. Even in the 19th century, some researchers argued that *belyaks* were the steeds of the Tatar princes and murzas. Yet the analysis of the records of the Temnikov and Kadom Writ Houses pertaining to wild-honey farming led A. Geraklitov to the conclusion that the *belyaks* in the first place were directly related to beekeeping and could not be territorial administrative units headed by Tatar feudal lords. Nevertheless, the information accumulated to date allows us to return to the discussion of the term *belyak* and, in particular, to the issue of the links between the *belyaks* and the Tatar princes.

Keywords: Mordovian *belyaks*, duchies, Tatar princes, murzas, sotniks, yasak, court, Temnikov, Kadom, Shatsk.

References

1. Belyakov A.V. Piscovaya kniga mordovskih sel Kadomskogo uezda 138 (1629/30) goda // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva: Sbornik statej. Vypusk 5. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013. S. 154–210.
2. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA). F. 1167. Op. 1. Ed. hr. 1443.
3. RGADA. F. 1167. Op. 2. Ed. hr. 1.
4. Belokrysenko A.F. Istoricheskij ocherk postepenogo pokoreniya Simbirskogo kraja i administrativnogo ustrojstva ego v raznoe vremya // Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh materialov. Simbirsk, 1868. S. 105–119.
5. Smirnov I.N. Mordva. Istoriko-ehnologicheskij ocherk. Gl. I. (Prodolzhenie) // Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i ehnoigrafii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Tom X. Vyp. 3. Kazan', 1892. S. 300–322.
6. Chermenskij P.N. Iz istorii feodalizma na Meshchere i v Mordve // Arheograficheskij ezhegodnik za 1963 g. M., 1964. S. 3–11.
7. Safargaliev M.G. K istorii tatarskogo naseleniya Mordovskoj ASSR (o misharyah) // Trudy Mordovskogo NIIYALI. Vyp. 24. Saransk, 1963. S. 64–79.
8. Iskhakov D.M. Ot srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni. Kazan': Master-Lajn, 1998.
9. Geraklitov A.A. Mordovskij «belyak» // Izvestiya kraevedcheskogo instituta izucheniya Yuzhno-Volzhskoj oblasti pri Saratovskom gosudarstvennom universitete. T. 2. Saratov, 1927. S. 102–112.
10. Yamushkin V.P. O yasake i mordovskom belyake // Trudy MNIIYALIEH. № 24. Saransk, 1963. S. 100–115.
11. Izvestiya Tambovskoj uchyonoj arhivnoj komissii (dalee – ITUAK). Vyp. XXVIII. Tambov, 1890.
12. RGADA. F. 1122. Op. 1. Ed. hr. 2210.
13. Dumin S.V., Pervushkin V.V., Shishlov S.L. Knyaz'ya Kudashevy // Dvoryanskie rody Rossijskoj imperii. T. 3. M.: Likominvest, 1996. S. 165–171.
14. Napol'nikova P.K. Vldel'cy Pocen'ya ehpoi srednevekov'ya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. T. 20. Vyp. 10 (150). 2015. S. 79–85.
15. Teksty delovogo sodержaniya XVI – nachala XVII v. iz mokshanskih mest. Publikaciya I.S. Filipovoj // Pamyatniki russkogo yazyka. Issledovaniya i publikacii. M., 1979. S. 76–98.
16. RGADA. F. 1166. Op. 1. Ed. hr. 1.
17. ITUAK. Vyp. XLVII. Tambov, 1904.
18. Akty sluzhilyh zemleladel'cev XV – nachala XVII veka. T. III / Sost. A.V. Antonov. M.: Drevlekhranilishche, 2002.
19. Akchurin M., Ishev M. Neizvestnye gramoty potomkov knyazya Akchury Adasheva // Ehtnologicheskie issledovaniya v Tatarstane. Vyp. VII. Kazan': Institut istorii AN RT, 2013. S. 11–18.
20. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Mordoviya. F. 1. Op. 1. Ed. hr. 14.
21. Enikeev S. Ocherk istorii tatarskogo dvoryanstva. Ufa: Gilem, 1999.
22. Sbornik Rossijskogo istoricheskogo obshchestva. 1895. SPb., 1895.
23. Iz istorii central'nogo i mestnogo upravleniya v XVI v. // Istoricheskij arhiv, № 3. 1960 [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1500-1520/Central_upr/text.php
24. Akty sluzhilyh tatar 1525–1609 godov // Russkij diplomatarij. Vyp. 7. M.: Drevlekhranilishche. 2001 [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1520-1540/Akty_sluzil_tatar/text.htm.
25. Persidskaya N.Yu. Mordovskij golova v sisteme organov mestnogo upravleniya XVII v. // Vestnik Mordovskogo universiteta. № 3. 2014. S. 88–92.
26. Snetova G.P. Russkaya istoricheskaya terminologiya: Uchebnoe posobie. Kalinin: Kalininskij gosudarstvennyj universitet, 1984. S. 60–61.
27. RGADA. F. 1167. Op. 1. Ed. hr. 32.
28. Akchurin M., Ishev M. Ehtnopoliticheskie struktury Meshchery v XVI veke // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva: Sb. statej. Vyp. 6. Kazan': Institut istorii AN RT, 2014. S. 4–18.
29. Sbornik letopisej. Tatarskij tekst (Sostavlen v carstvovanie B. Godunova) s russkim predisloviem // Biblioteka vostochnyh istorikov. Izd. I.N. Berezina. T. II. Ch. 1. Kazan', 1854.
30. Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1551–1561 gg. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006.
31. Жамигыт-тəварих // Mirastan bish səhifə. XVII–XIX gasyrlar ədəbi-tarihi yadkar'ləre. Kazan, 2011.
32. Zhalaerly K. Zhehmig" eht-tehvarih. Kazan: «Iman» nehshtriyaty, 2010.
33. Dəftəre Chyngyznamə // Mirastan bish səhifə. XVII–XIX gasyrlar ədəbi-tarihi yadkar'ləre. Kazan, 2011.
34. Kuzeev R.G. Bashkirskie shedzhere. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960.
35. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya. // Izvestiya Tavricheskoy Uchenoj Arhivnoj Komissii. T. 23. Simferopol', 1895.